

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

(Анти)Авторитарная политика метамодерна

Дмитрий Поляков

28 января, 2020

В последние два-три года на постсоветском гуманитарном пространстве всё чаще и отчётливее вызвучиваются новейшие культурологические и философские тенденции, отражающие поиск отличительных черт нового тысячелетия. Философские концепции, подобно детективам, отслеживают ризоматические блуждания постмодерна, в надежде отыскать «убитого» им субъекта и найти останки Истории, склеить воедино их фрагменты и – не без пафоса – реанимировать. Некоторые из таких концепций даже приобретают трендовый характер, обусловленный, с одной стороны, уже без преувеличения хронической усталостью от постмодернизма, а с другой – медиатизацией через чутко реагирующие на всё новое социальные сети. Настоящий текст можно назвать обзорным эссе или даже просто рецензией на одну из таких трендовых концепций. Точнее, на один из его аспектов.

Итак, метамодернизм. Новая «структура чувства» и культурная логика позднейшего капитализма, которая

Дмитрий Поляков
(Анти)Авторитарная политика метамодерна
28 января, 2020

akrateia.info

ru.anarchistlibraries.net

функционирует «между», «наряду» и «после» модерна и постмодерна, колеблясь от искренности к иронии, от серьёзности к насмешке, от созидания к разрушению. *«Не бинарность, как и разделяющий их континуум, не равновесие, но маятник, качающийся между различными крайностями»*, – пишут фиксаторы новой эпохи Робин ван ден Аkker и Тимотеус Вермюлен в вышедшей недавно на русском языке книге о метамодернизме [3, с. 62]. Такого предварительного и весьма скучного описания набирающего популярность понятия/явления/течения в нашем случае, пожалуй, будет достаточно, учитывая то, что в Сети можно найти отличную статью Александра Павлова с обзором, анализом и критикой метамодернизма в целом [12]. Мы же попробуем понять, как соотносится метамодернистский дискурс с настоящим и будущим антиавторитарной политики. Если, конечно, условимся предположить, что этот дискурс действительно отражает и отражается в реалиях современности, а сам метамодернизм является чем-то более содержательным, чем другие концепции, предлагающие тот иной язык описания времени – похороны постмодерна продолжаются уже не один десяток лет, за которые родилось немало преемников (авто-, диджи-, гипер- и другие модернизмы).

Упомянутая книга представляет собой сборник текстов разных авторов, которые анализируют или, вернее, нащупывают некие новые веяния, новую чувственность в отдельных проявлениях современного искусства. Большая часть статей посвящена литературе, кинематографу и фотографии. Социально-политические темы тоже имеют место, и именно их мы и постараемся вычленить и осветить (в ориентированных на культуру текстах также есть немало интересных формулировок, которыми мы воспользуемся).

По большому счёту, в политическом преломлении метамодернизм не так уж и замысловат: образ маятника,

диалектически раскачивающегося туда-сюда, уже многое проясняет. Вермюлен и ван ден Аkker, констатируя начало нового исторического периода в 2000-е годы, обращают внимание на два симптоматичных процесса первого десятилетия XXI века, мотивированных разочарованием в неолиберализме. С одной стороны, «цикл противостояния властям», т.е. сетевые социальные движения, объединённые протестом против экономического неравенства и попирания демократии (альтерглобализм, греческие протесты, Оссуру и др.). С другой стороны, рост правых популистских движений в США и Европе, вызванный иммиграционными проблемами, антиисламскими настроениями и риторикой сохранения национальных идентичностей. В качестве примеров приводятся североамериканское «Движение чаепития» и «Национальный фронт» Марин Ле Пен. Всё это вкупе с терактами 11 сентября, появлением ИГИЛ⁽¹⁾, войной в Ираке, экологическими проблемами и экономическим кризисом 2008 года вновь привело в движение колесо Истории, конец которой с повсеместным установлением либеральных демократий провозглашал постмодерн в лице Френсиса Фукуямы. Этот новый поворот, в свою очередь, характеризуется реконфигурацией неолиберализма или очередной модернизацией капитализма («окончательно еще не выкристаллизовавшегося»), связанной с глобальной компьютеризацией и развитием социальных сетей. Именно в таких условиях складывается новая структура чувства, культурная логика и

«новый метамодернистский режим историчности, определяющей чертой которого является то, что его настоящее – в попытке вернуться в своё стойло – открывается для возможностей

⁽¹⁾ Организация запрещена в РФ по решению Верховного суда.

прошлого, равно как и для возможных вариантов будущего» [4, с. 88].

Другими словами, постмодернистская неопределенность и сомнение во всяком универсальном смысле сочетается здесь с модернистским желанием этот смысл всё-таки найти.

В таком довольно размытом видении текущего момента мы имеем перспективы как левой, так и правой, как радикально антиавторитарной, так и ультраэтатистской политики, что скорее могло бы напомнить пылающие огнём войн и революций качели, нежели мерно покачивающийся маятник. Интересно здесь то, что метамодернизм возвращает на повестку дня классовую борьбу, а следовательно и понятие класса, ранее отброшенного постмодерном. Во время перехода к окончательной кристаллизации нового капитализма Вермюлен и ван ден Аkker отмечают, что «только классовая борьба может определить тот курс, которым мы, как то или иное общество, пойдём по пути, изобилующем ответвлениями, – налево “зелёные”, направо опять же неолибералы (возможно, не без некоторой фашистской окраски)» [3, с. 76-77].

Тема классовой борьбы больше не поднимается, но даже этого замечания достаточно, чтобы если и не утверждать, то хотя бы допустить вероятность актуализации леворадикальных идей с их настойчивым акцентом на классовых антагонизмах. С другой стороны, правый радикализм, как это бывало и раньше, так же может манипулировать классовой риторикой, причём вполне успешно. И в таком контексте достаточно релевантным предстаёт анализ политики постправды, в условиях которой, как пишет Сэм Брауз, «достоверность того, что говорит тот или иной человек, значит куда меньше той степени, в которой он сам в это искренне верит» [1, с. 387]. И хотя подобная

мент. П. И. Талеров]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 275–328.

11. МакДауэлл, Дж. Метамодерн, «quirky» и кинокритика // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 91–121.
12. Павлов, А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос, 2018. Т. 28, № 6. С. 1–19.
13. Тёрнер, Л. Метамодернист // Манифест [Электронный ресурс]. – Режим доступа: metamodernizm.ru
14. Хейзер, Й. Супергибридность: неодновременность, сотворение мифов и многополярный конфликт // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 151–180.
15. Эшельман, Р. Заметки о перформатистской фотографии: познание красоты и трансцендентности после постмодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 419–468. ■1 Организация запрещена в РФ по решению Верховного суда.

4. Ван ден Аkker, Р. Историчность метамодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 85–90.
5. Вермюлен, Т., ван ден Аkker Р. Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: metamodernizm.ru
6. Гиббонс, Э. Аффект метамодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 213–220.
7. Гусельцева, М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 327–340.
8. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Боб Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – 504 с.
9. Константину, Л. Четыре лика постиронии // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 221–256.
10. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории // Избранные труды / П. А. Кропоткин; [сост., авторы вступ. ст. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; автор ком-

политика чаще всего ассоциируется с правым популизмом а-ля Дональд Трамп, Брауз усматривает её истоки в социал-демократической практике конца 1990-х годов и рассматривает эту политику (точнее, риторику) на примерах лейбористов Тони Блэра и Джереми Корбина. Конечно, диагностируя триумф «правдоподобия» над правдой, метамодернизм, может, и демонстрирует озабоченность современной политикой – хотя и без однозначных оценок, – однако вполне уместно спросить: разве подобные стратегии не использовались политиками раньше? Или сам термин «постправда» как-то иначе раскрывает смысл политического популизма и самопрезентации? Здесь впору припомнить хрестоматийный пример с Гегелем, который в ответ на указание несоответствия его теории реальным фактам заявил: *«Тем хуже для фактов»*. Такая вот гегелевская постправда.

То же, в общих чертах, относимо к супергибридности и «неодновременности», которую описывает Йорг Хейзер применительно к современным военным конфликтам, включая стратегии упомянутой выше запрещённой организации, использующей эстетику видеоигр в пропагандистских роликах и размещающей в Instagram задушевные фото с котятами. *«Бредни о чистоте и очищении, внутренне присущиетирании и крайней жестокости, ищут оправданий в мифическом прошлом, одновременно пользуясь технокультурным настоящим»* [14, с. 154]. Упоминается и конфликт на Юго-Востоке Украины и, в частности, как пример фарса, такой его участник как Игорь Стрелков-Гиркин – ярый поклонник белогвардейской эстетики и риторики. *«Война стала праздничной авантюрой для социопатов, которых призвали на службу и включили в зону своего влияния, чему они совсем не противились, высокопоставленные интриганы»*, – сокрушается Хейзер так, как будто в прошлом всё обстояло иначе [14, с. 172]. И хотя, судя по тексту, его

беспокоит именно и преимущественно присвоение «интриганами» технологий децентрализованного обращения данных и гибридных культурных техник, утрачивающих из-за такого бессовестного заимствования «присущий им потенциал освобождения и раскрепощения», сама постановка проблемы уж очень напоминает ситуационистскую критику капиталистической рекуперации с той разницей, что задумывавшиеся как освободительные технологии и практики превращаются не только в товар, но и в средства вербовки людей для участия в кровавых боянях во имя чьих-то крайне сомнительных интересов.

Несмотря на обрисованные мрачными тонами тенденции, Хейзер не спешит отказываться от идей прогресса – экономического, социального и этического, – признавая, однако, их хрупкость перед лицом хаоса и общественных антагонизмов. Надежда на то, что «маятник качнётся в правильную сторону», подталкивает нас к рассмотрению субъективности метамодерна, к её мироощущению и к политическим последствиям этого мироощущения. В статье Марины Гусельцевой (вышедшей раньше рассматриваемого сборника) говорится о новой, метамодернистской тенденции «синтетического мышления – к целостности через антиномии» [с 334], а «метамодернистское мироощущение предлагает более спокойный и уверенный, оптимистический взгляд на происходящие перемены», так как

«в потоке стремительно изменяющейся и непредсказуемой жизни долгосрочные перспективы оказались бы ригидными и эволюционно не обоснованными: нельзя запланировать неожиданность, регламентировать спонтанность и творчество. В этом ракурсе укоротить горизонты планирования и перенести эпицентры внимания в на-

указание на борьбу (или, как в нашем случае, колебание) двух враждебных традиций в истории: императорской и федералистской, традиции власти и традиции свободы [с. 327]. Простая логика «или – или», вытекающая из этого лейтмотива, не должна сбивать с толку, если держать в уме уроки Мишеля Фуко о микро-власти, рассеянной по всему социальному телу, и представления о превентивной «контрвласти», которые мы получаем из прочтения Дэвида Грэбера. Другими словами, даже предположив искомое отсутствие государственной власти, борьба и колебание не исчезают, а переходят на другой уровень. В этом смысле, пожалуй, можно согласиться с метамодернистом Люком Тёрнером в признании того, что «колебание – естественный порядок мира» [13]. Порядок не окончательный, ничем не гарантированный, но дающий шанс для реализации «невозможной возможности».

Список литературы:

1. Брауз, С. Между правдой, искренностью и сатирой: политика постправды и риторика аутентичности// Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 386–418.
2. Бученков, Д. Почему невозможна «право-левая» идеология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.youtube.com
3. ван ден Аkker, Р., Вермюлен, Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 39–82.

Гусельцева и как этого *не* делают метамодернисты, явно не приходится. Сама метамодернистская теория, по верному замечанию Рауля Эшельмана, стремится занять скорее «выжидательную позицию», чем реально пуститься в диалектическую игру маятника, чтобы систематически занимать, оставлять или комбинировать противоположные позиции. Таким образом, метамодернизм лишь констатирует некую колеблющуюся «структуру чувства» и, по столь же верному замечанию Павлова, пока ещё остаётся больше эстетической концепцией, довольно интересной, но не схватывающей всех аспектов культуры четвёртой стадии капитализма – опять же, если только предположить наступление таковой, потому что подробного описания новизны этого капитализма метамодернизм не даёт. Стержнем капитализма, как и раньше, остаётся прибыль, извлекаемая всеми возможными способами, а изменение этих способов не трансформирует каким-то радикальным образом сути капитализма. Кроме того,

«если даже постмодерн как эпоха или как доминирующий стиль в культуре закончился в 2000/2001 году, должно пройти как минимум 25×30 лет, чтобы можно было делать какие-то выводы о том, что будет называться “метамодерном” или как-то ещё» [12, с. 14].

Вместе с тем, учёт превалирующих или претендующих на культурную доминанту тенденций никогда не бывает лишним, и антиавторитарной мысли, безусловно, следует вести подобный учёт, ситуационистски присваивая их наиболее ценные элементы. Актуальность сегодняшнего метамодернистского колебания для леворадикального дискурса коррелирует с актуальностью текстов Михаила Бакунина и Петра Кропоткина, лейтмотивом которых является

стоящее – здоровая реакция психики человека на трансформации современности [7, с. 335].

Элисон Гиббонс, в свою очередь, предлагает постпозитивистскую модель субъективности метамодерна, которая фиксирует напряжение между модернистским эссециализмом и постмодернистским отказом от всякой фиксированной сущности. Результатом такого напряжения является то, что

«с одной стороны современной индивидуальностью движет желание приобрести значимый эмоциональный опыт, с другой – она осознаёт искусственный характер такого опыта особенно в том, что касается социальных категорий индивидуальности» [6, с. 219].

В политическом преломлении проблематичность такого субъекта заключается в том, что его спокойное и оптимистичное мироощущение обирачивается оппортунизмом в худшем смысле этого слова. Попытка скрестить противоположные полюса маятника с целью «укоротить горизонты планирования» и создать монолитный образ реального чревата формированием гибридных, непоследовательных и демагогичных «право-левых» идеологий [о нежизнеспособности движений с подобными идеологиями [см. 2]. Впрочем, такова и логика метамодерна: либо и то и другое, либо ничего. Политическая субъективность здесь зиждется либо на приспособленчестве, либо на апатичном нигилизме. Характеристика Гиббонс в данном случае тоже подчёркивает эту не особенно надёжную перспективу: желание опыта (в нашем случае, политического) вкупе с пониманием его искусственности сводимо к настроению «и так сойдёт» – и это не самый худший вариант. А худший – всё тот же оппортунизм и ренегатство.

И опять же, вряд ли это проблема исключительно XXI века. Хотя, быть может, как общее, глобальное умонастроение так называемых «миллениалов»... Вполне вероятно. Тем более что рынок, несмотря на все свои новейшие трансформации, «продолжает разъедать убеждения и ценности», требуя от человека самоподчинения («убеждений, зависящих от обстоятельств») и заставляя «культивировать искреннюю заинтересованность, внутреннюю мотивацию и ревностную старательность» на своём рабочем месте, как на то справедливо указывает Ли Константину [9, с. 255].

Есть, однако, и другая сторона метамодернистской субъективности, которая отчасти резонирует с современными тенденциями антиавторитарной политики и, в частности, анархизма, а в ещё большей частиности – постанархизма. Отказ от эсценциализма в пользу конструктивистского, контингентного режима субъективности с одновременным сохранением либертарного этоса, навязчивым желанием бунта и становления безгосударственного общества – всё это довольно близко упомянутому Джеймсом МакДауэллом метамодернистскому настроению

«непокорного оптимизма, обязательства и искреннего участия перед лицом имплицитно признаваемого потенциала для отчаяния, крушения иллюзий или ироничной отстраненности» [11, с. 119],

Другими словами, погружённый в антиавторитарный дискурс метамодернизм предполагает и романтическую (или неоромантическую) приверженность идеалам, и отсутствие каких-бы то ни было гарантов их осуществления. Политическая субъективность старого доброго Сизифа в трактовке Камю! С этого момента вполне закономерно провести ниточку к теме утопии, о реабилитации которой время от времени говорит современная анархистская

мысль, оговаривая при этом её наличие в локальных практиках настоящего, её створение в условиях текущей политической борьбы, а не размещение в условном будущем, отдалять которое можно сколь угодно долго. У рассматриваемой в таком ключе истории нет обязательного предназначения и, тем более, анархического предназначения, и в этом метамодернизм вновь оказывается созвучен современной антиавторитарной политике. Вермюлен и ван ден Аkker в своих ранних «Заметках о метамодернизме» писали:

метамодернизм признает, что предназначение истории невозможно осуществить, потому что оно не существует. Тем не менее, он подходит к этому с позиции как если бы предназначение истории могло существовать. Вдохновлённый современным простодушием, но при этом просвещённый скептицизмом постмодерна, метамодернистский дискурс сознательно вверяет себя невозможной возможности [5].

Авторы-метамодернисты, как мы видели, ни в коем случае не исключают вероятности крайне правого поворота в новейшей истории, которая в равной степени воспримчива ко всем вариантам прошлого для их реализации в настоящем. Так, современный теоретик государства Боб Джессоп без обиняков прогнозирует эрозию формальных демократических институтов и содержательных демократических практик, сопровождаемую «усиление тенденций в направлении авторитарного этатизма с более решительным поворотом к милитаризации и созданию полувоенных формирований, а также значительно усиленного “государства сверхнадзора”» [8, с. 452]. При таком мрачном раскладе говорить об оптимизме, как это делает